

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

А. В. Фадеев

Глубокая научная разработка истории культуры — одна из задач советской исторической науки. На Всесоюзном совещании историков в декабре 1962 г. акад. Б. Н. Пономарев, касаясь этой задачи, отмечал, что теперь уже недостаточно иметь работы по истории литературы, музыки, архитектуры, изобразительного искусства, театра, кино. «Нам нужны труды по истории культуры, в которых развитие всех ее составных частей рассматривалось бы в совокупности и взаимосвязи, как неотъемлемая часть общеисторического процесса»¹.

К сожалению, до сих пор история культуры — отстающий участок нашей исторической науки. Несмотря на наличие серьезных марксистских исследований, принадлежащих перу советских литературоведов, музыковедов, искусствоведов, у нас нет пока сводного, обобщающего труда по истории культуры, как нет и специального учебного пособия, в котором раскрывался бы историко-культурный процесс в целом, хотя давно существуют неплохие учебники по истории литературы, истории музыки и т. п. Очевидно, таким положением в этой области исторических знаний объясняется и тот факт, что освещение вопросов истории культуры в трудах общеисторического характера также нельзя признать удовлетворительным. Как правило, оно страдает энциклопедичностью изложения и пристрастием к «персонификации» культурно-исторических явлений. В школьных учебниках материал, относящийся к истории культуры, обычно располагается в энциклопедическом плане: за параграфом «Наука» следуют параграфы «Литература» и «Искусство». При этом вместо обобщающего очерка развития научной мысли и художественного творчества учащимся преподносится серия биографических справок о наиболее выдающихся писателях и ученых, напоминающая аннотированный библиотечный каталог. Методологическая порочность такого построения материала очевидна. При обособленном рассмотрении различных сторон культуры (наука, литература, музыка, театр и пр.) остается невыясненной социальная обусловленность и идейная направленность культурно-исторического процесса, утрачивается целостное представление о нем как о непрерывном и закономерном движении на пути к познанию окружающего мира. Что касается персонифицированной формы изложения, то она неприемлема по той причине, что не может дать правильного представления о деятельности различных общественных классов в области культуры, о народе как творце и создателе культурных ценностей.

Известно, что вопрос о роли народных масс в культурно-историческом процессе является тем методологическим рубежом, который разделяет историков-марксистов и представителей буржуазной историографии. Идеологи буржуазии, по существу, отрицают способность трудящихся масс к культуротворческой деятельности. Еще Фридрих Ницше противопоставлял «касту господ» рабски покорной массе, которой нет

¹ Академик Б. Н. Пономарев. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории. «Вопросы истории», 1963, № 1, стр. 20.

места в «царстве интеллекта»². Ту же антидемократическую концепцию развивают многие современные буржуазные историки. Как утверждает А. Тойнби, любое общество делится на созидающее культурные ценности «творческое меньшинство» и «инертное большинство», которое находится «в том же косном, неподвижном состоянии, в каком пребывали члены первобытного общества»³. Творческое начало, считает Тойнби,— это привилегия интеллектуально развитой «элиты». Масса же обладает лишь способностью к механическому «подражанию». «Великие силы демократии и индустриализма, которые выдвинула наша западная цивилизация в процессе своего развития, вышли из глубин творческого меньшинства»,— заявляет он, повторяя, по существу, ницшеанские откровения о «сверхчеловеке» как творце истории⁴.

В таком же духе высказываются зарубежные буржуазные историки и о русской культуре. Например, английский историк Б. Сэмнер, касаясь культурной жизни дореволюционной России, всячески старается подчеркнуть противоречие, якобы существовавшее между «просвещенным меньшинством» и «средневековой аморфной массой» русского народа⁵.

Решительно отвергая эти антидемократические построения, историки-марксисты высоко оценивают вклад народных масс в развитие культуры. Они рассматривают трудящихся как непосредственных создателей разнообразных культурных ценностей, независимо от того, имеют ли эти ценности самостоятельное значение или служат материалом для произведений великих мастеров культуры.

Однако в период культа личности Сталина внимание к изучению роли народных масс, в том числе в развитии культуры, оказалось несколько ослабленным. Получившая тогда распространение персонификация культурно-исторических явлений неизбежно приводила к тому, что описания шедевров выдающихся мастеров искусства заслоняли подлинную картину творческой деятельности масс. Невольно возникало впечатление, что культуру создают лишь талантливые одиночки и что духовная жизнь — удел небольшого слоя интеллектуально развитых людей.

Эта тенденция имела свои отрицательные последствия. В большинстве очерков по истории культуры до недавнего времени полностью отсутствовали разделы о народном творчестве и не раскрывалось влияние его на литературу и искусство. Некоторые авторы прямо утверждали, будто интеллигенция, а не народ является создателем духовной культуры нации. Так, А. С. Богдасаров писал: «В выработке национального сознания деятельность идеологов имеет важное значение. Но еще большее значение имеет интеллигенция в целом. Она является творцом духовной культуры»⁶. Такая постановка вопроса методологически неправильна по двум причинам. Во-первых, она исключает из понятия «культура» такие явления, как художественные народные промыслы, народная графика, народная драма и, наконец, многообразное по форме коллективное устное творчество, выражавшееся в песнях, сказках, былинах, пословицах, поговорках. Во-вторых, приведенная выше формула игнорирует тот общеизвестный факт, что думы и чаяния народа на протяжении веков питали общественную мысль, науку, литературу и искусство, что выдающиеся ученые и художники черпали материал из сокровищницы духовной жизни масс. Даже философы, как подчеркивал К. Маркс, представляют собой «продукт своего времени, своего народа, самые тонкие,

² Ф. Ницше. Полное собрание сочинений. Т. I. М. 1912, стр. 263.

³ А. Тойнби. A Study of History. Vol. III. London. 1936, p. 243.

⁴ Ibid., p. 241.

⁵ См. «История СССР», 1958, № 1, стр. 211.

⁶ А. С. Богдасаров. Разработка В. И. Лениным национального вопроса в годы нового революционного подъема. М. 1956, стр. 38.

драгоценные и невидимые соки которого концентрируются в философских идеях»⁷.

Что касается созидательной роли народных масс в развитии искусства, то о ней хорошо сказал А. М. Горький: «Народ не только сила, создающая все материальные ценности, он единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры...»⁸.

Таким образом, задача состоит в том, чтобы, во-первых, добиться синтетического, целостного представления о культурно-историческом процессе, а во-вторых, раскрыть во всей полноте культуротворческую деятельность народных масс, роль народа как творца культуры. Только при таком подходе изучение истории культуры явится средством, которое поможет усвоению материалистического понимания истории, а значит, и формированию коммунистического мировоззрения.

Буржуазные социологи и историки обычно сводят понятие «культура» лишь к духовной деятельности людей, что помогает им толковать явления культурной жизни в идеалистическом плане. Историки-марксисты, напротив, считают, что под культурой в широком значении этого слова следует понимать всю совокупность материальных и духовных ценностей, созданных трудовой деятельностью людей в процессе овладения силами природы и познания ее закономерностей. Однако признание единства материальной и духовной культуры не означает отрицания каких бы то ни было различий между этими двумя сторонами созидательной деятельности людей. Материальная культура служит выражением технического прогресса, производственного опыта и трудовых навыков общества на данном этапе его развития, а следовательно, показывает достигнутую в данное время степень господства человека над природой. Духовная культура относится к явлениям идеологического характера. Она отражает исторически достигнутую ступень интеллектуального развития людей на пути познания закономерностей природы и общественной жизни.

В общеисторических курсах или пособиях по истории вопросы материальной культуры обычно рассматриваются в связи с анализом экономической жизни общества. Поэтому разделы, посвященные истории культуры, как правило, повествуют лишь о духовном развитии людей, проявляющемся в распространении просвещения и совершенствовании науки и искусства. Поскольку данная статья касается преимущественно вопросов, связанных с освещением истории культуры в трудах общеисторического характера, постольку в ней чаще всего говорится о культуре в узком смысле слова, то есть об интеллектуальной, или духовной, деятельности общества.

Культуротворческая деятельность человечества является одной из сторон исторического развития общества, следовательно, история культуры составляет неразрывную часть исторической науки. Поэтому при синтетическом изучении истории культуры надо исходить из общих теоретических положений исторического материализма, согласно которым общественный быт, политические учреждения, образ мыслей людей и вся их духовная жизнь зависят от способа производства материальных благ. Конечно, признание такой зависимости не освобождает от необходимости учитывать и влияние других факторов. Как известно, Ф. Энгельс предупреждал, что производство не является единственно определяющим моментом исторического процесса. Он подчеркивал также, что экономический базис лишь в конечном счете определяет ход этого процесса, что, кроме того, на него «оказывают влияние... раз-

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 105.

⁸ А. М. Горький. Литературно-критические статьи. М. 1937, стр. 26.

личные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты... политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения»⁹. Тем более надо учитывать влияние надстроечных явлений, когда речь заходит о духовной жизни общества. Необходимо помнить, что различные виды надстройки взаимно влияют друг на друга, а также на экономическую основу жизни общества. Было бы неправильно выводить, скажем, философские идеи или приемы художественного творчества непосредственно из производства. «Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является единственной активной причиной, а остальное является лишь пассивным следствием»¹⁰, — писал К. Маркс.

Понимая культуру как общественное явление, определяемое в конечном счете условиями материальной жизни общества, нетрудно сделать вывод о том, что с изменением этих условий и связанного с ними общественного строя неизбежно меняются формы социальной жизни, бытовые традиции, нравы и взгляды. Анализируя экономическое развитие пореформенной России, В. И. Ленин указывал, что вызванное ростом капитализма отвлечение населения от земледелия имело «глубоко прогрессивное значение по отношению к старым формам жизни». Он отмечал, что «изменения старого хозяйственного строя капитализмом неизбежно ведут также и к изменению духовного облика населения»¹¹. Именно с анализа этих изменений форм жизни и духовного облика людей и должно начинаться синтетическое изучение культуры данной эпохи, независимо от того, идет ли речь о капиталистической или какой-либо другой общественно-экономической формации. Только выяснив, какие новые черты отличали культурный облик человека и общества в изучаемый период по сравнению с предыдущим, можно установить общие закономерности и ведущие тенденции идейной жизни данного периода, определить их вклад в сокровищницу мировой цивилизации.

Возьмем, например, русскую культуру дореформенной эпохи. Было бы неправильно пытаться уяснить идейный смысл борьбы литературных направлений первой половины XIX в. или оценить достижения русской науки того времени, не уточнив предварительно условия культурной жизни общества и социальную направленность перемен, какие происходили тогда в быту и в сознании населения России. Что определяло эти изменения по сравнению с XVIII столетием? Разумеется, глубокие социально-экономические сдвиги, обусловленные вызреванием в недрах феодально-крепостнической системы нового, капиталистического уклада. Основоположники марксизма подчеркивали, что новые идеи могут появиться лишь тогда, когда «внутри старого общества образовались элементы нового»¹². Капиталистические отношения на заре их развития повсюду служили могучим ускорителем общественного и культурного подъема. С усилением капиталистических элементов было связано повышение роли городов в культурной жизни дореформенной России. При этом их культурное влияние росло неизмеримо быстрее, чем удельный вес горожан в общей массе населения страны. Объяснялось это тем, что при сравнительно небольшом приросте численности городского населения его социальный состав значительно изменялся за счет буржуазных элементов. Города становились очагами распространения новой, буржуазной культуры. В этом и заключалась причина их серьезного влияния на культурную жизнь крепостной России. Не следует переоценивать этого влияния, но не надо и игнорировать его.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVIII, стр. 244—245

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М. 1948, стр. 470.

¹¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 509, 526.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 445.

Рост числа буржуазных собственников сказывался и на внешнем облике городов. Не только обе столицы, но и купеческие города Поволжья, Прибалтики, Причерноморья одевались камнем, застраиваясь многоэтажными частновладельческими домами. По свидетельству Ф. Ф. Вигеля, в Петербурге в первом десятилетии XIX в. «обывательские трех- и четырехэтажные дома на всех улицах росли не по дням, а по часам...»¹³. В Москве после пожара 1812 г. многие районы, в частности обширное Зарядье, стали застраиваться двух- и трехэтажными каменными зданиями.

Быт улиц русских городов довольно быстро утрачивал в дореформенное время черты феодальной замкнутости и патриархальности. По мере увеличения численности недворянского населения поток пешеходов на городских улицах заметно увеличился. В этот поток вливались и мелкие чиновники, не имевшие своих выездов, и оскудевшие дворяне. Постепенно даже молодые аристократы перестали гнушаться «пешеходства». «В Петербурге мало ездят, больше ходят...»¹⁴ — отмечал в 1845 г. В. Г. Белинский. Участились и стали многолюднее гулянья в садах и парках, на площадях и бульварах. При этом они утратили тот резко выраженный сословный характер, каким отличались в XVIII столетии, когда, скажем, московские «благородные обыватели» собирались в Сокольниках, а мещане и рабочий люд — в Марьиной роще. Изменению внешнего вида улиц способствовало и развитие торговли.

С изменением уличного быта менялся костюм и домашний быт горожан. Богаче и разнообразнее становилось внутреннее убранство жилища дворян и состоятельных разночинцев. Чаще встречались в комнатах зеркала, картины, ковры. Стулья и диваны вытесняли скамьи и кресла. Вместо глиняной посуды стала входить в обиход фаянсовая, оловянные ложки заменялись серебряными. Даже у дворян костюмы стали заметно свободнее. Парики были сброшены, фижмы и банты забыты. Сначала получили было распространение фраки, но вскоре их вытеснили более скромные сюртуки. Даже купцы отказались от традиционных кафтанов. Во всем этом сказывалось стремление к универсализации костюма и избавлению его от сословных черт.

Разумеется, деревня сильно отставала от города, но ветер века шумел и над ее соломенными крышами. Новым явлением сельской жизни было более быстрое, чем когда-либо ранее, расширение рыночных связей, а также усиление неземледельческого отхода. Представители нарождавшейся сельской буржуазии, с одной стороны, отходники — с другой, являлись проводниками городского влияния. В деревнях по мере развития отхода более заметными становились изменения в costume и в быту.

В. И. Ленин подчеркивал, что «неземледельческий отход представляет из себя явление прогрессивное. Он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности». Ссылаясь на свидетельства очевидцев и бытописателей, В. И. Ленин указывал далее: «Отход в города повышает гражданскую личность крестьянина, освобождая его от той бездны патриархальных и личных отношений зависимости и сословности, которые так сильны в деревнях... Отход в города ослабляет старую патриархальную семью, ставит женщину в более самостоятельное положение, равноправное с мужчиной»¹⁵. Конечно, все эти явления в пореформенную эпоху выглядели более рельефно, но в менее сильной степени они имели место еще в дореформенный период.

¹³ Ф. Ф. Вигель. Записки. Т. II. М. 1891, стр. 41.

¹⁴ В. Г. Белинский. Собрание сочинений. Т. II. М. 1948, стр. 777.

¹⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 505, 506.

Характерным для России первой половины XIX в. было распространение просвещения и образованности. В. Г. Белинский справедливо отмечал, что в XVIII столетии к европейскому просвещению в России было причастно лишь одно высшее дворянство, в первой четверти XIX в. — более многочисленное среднее дворянство, а в 30—40-х годах — даже разночинцы. «Теперь, — писал он в 1843 г., — не редкость образованные и даже просвещенные люди из купеческого и мещанского сословия»¹⁶. Еще в 1803 г. Н. М. Карамзин писал, что на публичных лекциях профессоров Московского университета наряду с «благородными молодыми людьми» и «знатными дамами» можно было видеть «духовных, купцов, студентов Заиконоспасской академии и людей всякого звания»¹⁷. А спустя полвека разночинцы составляли 57% студентов в Московском и 56% — в Казанском университете¹⁸. В этом расширении круга образованных людей за счет выходцев из непривилегированных сословий особенно ярко проявлялась тенденция к демократизации культуры, столь характерная для дореформенной России.

Разночинная интеллигенция по своему социальному происхождению и общественному положению была гораздо теснее, чем дворянская, связана с народными массами, а потому полнее выражала чаяния трудящихся. Не случайно это изменение социального состава русской интеллигенции было связано с увеличением суммы идей, находившихся в обращении, а также с распространением в России прогрессивных социальных и политических учений.

Наконец, культурный облик русского общества менялся и под влиянием роста национального самосознания. Напряженная политическая обстановка начала XIX в. выдвигала перед мыслящими русскими людьми вопрос о месте и роли России в мировой истории, о путях ее национального развития и социального обновления. Явная неспособность царизма организовать отпор агрессии Наполеона помогала осознать национальные задачи в сфере внутренней политической жизни. Недаром именно в это время русская прогрессивная публицистика обогатилась такими сочинениями, как «О благоденствии народных обществ» В. В. Пупугаева, «Об освобождении крепостных в России» А. С. Кайсарова и др. «1812 год, потрясши всю Россию... возбудил народное сознание и народную гордость»¹⁹, — писал В. Г. Белинский. В обстановке всенародного патриотического подъема окрепла идея единства русской нации. Это не замедлило сказаться на культурной жизни русского общества. Поввысился интерес к прошлому русского народа, что обусловило развитие исторической науки, филологии. Появилась потребность в раскрытии типичных черт русского национального характера, что сразу обогатило идейное содержание произведений художественной литературы, музыки, живописи. Правильно говорил Н. В. Гоголь, что в творчестве А. С. Пушкина нашли свое отражение «русская природа, русский язык, русский характер»²⁰. А про самого Н. В. Гоголя верно заметил В. Г. Белинский, что с его появлением «литература наша исключительно обратилась к русской жизни, к русской действительности»²¹.

Таковы были новые черты в культурном облике русского общества дореформенной эпохи, без учета которых невозможно правильно оценить ни творческих достижений деятелей науки и искусства того времени, ни эволюции многообразного в своих проявлениях народного творчества.

¹⁶ В. Г. Белинский. Собрание сочинений. Т. II, стр. 518—519.

¹⁷ «Вестник Европы», 1803, ч. XII, № 24, стр. 263.

¹⁸ В. Р. Лейкина-Свирская. Формирование разночинной интеллигенции в России. «История СССР», 1958, № 1, стр. 83 и сл.

¹⁹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Т. XII. М. 1926, стр. 89.

²⁰ Н. В. Гоголь. Арабески. Ч. I. СПб. 1835, стр. 213.

²¹ В. Г. Белинский. Собрание сочинений. Т. III. М. 1948, стр. 41.

Конечно, можно было бы взять для примера факты, относящиеся к культурной жизни общества любой другой страны и другой эпохи, но мы намеренно ограничиваемся анализом культурно-исторических процессов и явлений, имевших место в дореформенной России. С одной стороны, это позволяет избежать упрека в использовании несопоставимых данных, что было бы неизбежно при сравнении культурных явлений различных эпох, например, Киевской Руси и пореформенной России. С другой стороны, культурная жизнь дореформенного этапа представляет особый интерес по той причине, что она отражает специфику переходного периода, когда отжившая феодально-клерикальная идеология уже отступала в стране под натиском новых идейных и моральных представлений, характерных для буржуазного общества.

Важное место в решении проблем истории культуры того или иного периода имеет анализ идейной жизни в стране, который необходимо проводить, руководствуясь ленинским учением о наличии двух социально-разнородных культур в каждой национальной культуре общества, разделенного на antagonистические классы. При этом следует помнить, что, противопоставляя культуру трудящихся культуре эксплуататорского меньшинства, В. И. Ленин подчеркивал, что первая существует в буржуазном обществе лишь в виде элементов, тогда как вторая является господствующей²². Это ленинское положение развивает мысль, высказанную К. Марксом и Ф. Энгельсом еще на страницах «Немецкой идеологии»: «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила»²³.

Вместе с тем нельзя забывать о том, что элементы демократической культуры в условиях эксплуататорского строя достаточно сильны, чтобы противостоять реакционной идеологии правящих верхов и их охранительной политике. Силу этим элементам демократической и социалистической культуры придает их органическая связь с народом, его освободительной борьбой и прогрессивной идеологией. Разоблачая в свое время попытки либеральных ренегатов, группировавшихся вокруг сборника «Вехи», опорочить революционно-демократические традиции передовой русской публицистики, В. И. Ленин писал: «Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?»²⁴.

Конечно, формирование социалистической идеологии связано с выходом на историческую арену революционного пролетариата, но элементы демократической культуры имели место в любом обществе, где были трудящиеся и эксплуатируемые классы. Поэтому было бы неправильно догматически толковать ленинское учение о двух культурах, утверждая, что оно применимо лишь при анализе культурно-исторических явлений, типичных для капиталистической формации.

Ленинское учение о двух культурах в каждой национальной культуре было направлено против антимарксистской националистической концепции «единого потока», игнорирующей классовый характер культурного развития и присущую ему внутреннюю противоречивость. В. И. Ленин исходил в данном случае из диалектического закона единства и борьбы противоположностей.

Как известно, борьба противоположностей является внутренним источником всякого развития. «Условие познания всех процессов мира

²² См. В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 8.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3, стр. 45.

²⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 108.

в их «самодвижении», в их спонтанейном развитии, в их живой жизни, есть познание их, как единства противоположностей»²⁵, — указывал В. И. Ленин. Между тем эта философская основа ленинского учения о двух культурах в каждой национальной культуре, к сожалению, нередко упускается из виду при освещении истории культуры того или иного периода. Как правило, вслед за декларативным признанием этого ленинского положения авторы глав или разделов по истории культуры начинают излагать материал, характеризующий развитие лишь одной демократической культуры. Тем самым из культурно-исторического процесса выхолащивается то главное, что составляет глубочайший источник его развития, а именно — борьба присущих ему противоположностей. В результате история культуры сводится к отображению простого накопления материальных и духовных ценностей, происходящего в порядке плавного, гармонического развития от низшей стадии к высшей. Нечего и говорить, насколько такое толкование культурно-исторического процесса противоречит самой сущности ленинского учения.

Н. С. Хрущев подверг суровой критике тех, кто пытается в настоящее время навязать нам мирное сосуществование в области идеологии: «Кто проповедует идею мирного сосуществования в идеологии, тот объективно сползает на позиции антикоммунизма»²⁶. Можно ли представлять себе дело так, будто когда-либо вообще реально имело место мирное сосуществование враждебных друг другу идеологий? Могли ли, например, мирно сотрудничать друг с другом идеология крепостничества и идеология крестьянской революции? Конечно, нет, так как они находились в состоянии непримиримой и острой борьбы, выражением которой являлось столкновение прогрессивных и реакционных воззрений во всех областях науки и искусства, бесконечные конфликты между новым и старым во всех сферах общественной и культурной жизни. Никогда в классовом обществе не было и не могло быть мирного сосуществования идеологии прогресса с идеологией реакции. В связи с этим материал по истории культуры необходимо излагать таким образом, чтобы налицо был не только показ деятельности одних передовых мыслителей и художников, но и оказались раскрытыми враждебные им происки идейных оруженосцев реакционных классов и защитников отживших форм социальной жизни. Внутреннее содержание культурно-исторического процесса должно истолковываться в плане непрерывной и ожесточенной борьбы различных политических, этических и эстетических теорий, отражавших реальный ход классовой борьбы.

Обратимся для примера снова к истории культуры русского общества дореформенной эпохи.

Думается, что прежде чем говорить об успехах передовой русской науки и достижениях русской классической литературы, необходимо охарактеризовать факторы, тормозившие культурное развитие России того времени. Крепостное право крайне ограничивало распространение просвещения. Сословные привилегии дворянства суживали круг образованных людей. Царизм грубо подавлял любые проявления свободомыслия. Весь процесс обучения и воспитания молодого поколения царское правительство старалось подчинить влиянию феодально-клерикальной идеологии. Школы всех типов испытывали гнетущую опеку со стороны церковных мракобесов. Кстати, именно история культуры дает возможность выявить особенно четко реакционную роль церкви и религиозных предрассудков. В целях усиления антирелигиозного воспитания нашего народа весьма важно показать, например, каким сильным тормозом слу-

²⁵ В. И. Ленин. Философские тетради. М. 1947, стр. 327.

²⁶ Речь товарища Н. С. Хрущева на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 года. «Правда», 10 марта 1963 года.

жила на пути культурного развития страны русская православная церковь. В начале XIX в. три русских митрополии объединяли 51 епархию, каждая из которых насчитывала не один десяток монастырей и не одну сотню церковных приходов. Общая же численность духовенства достигала в России 215 тыс. человек²⁷. И вся эта огромная армия монахов и священнослужителей использовалась царизмом для пропаганды идеи божественного происхождения существующего общественного порядка и насаждения феодально-религиозного мировоззрения. Создание в 1817 г. объединенного «министерства духовных дел и народного просвещения», последовавшие за этим репрессии против университетов и поход против науки под флагом борьбы с «вольнодумством» и «пагубным материализмом», активное участие церковников в цензурном гнете и травле прогрессивно настроенных профессоров и литераторов — это ли не благодарный материал для суждения о том, какой огромный ущерб принесла деятельность церкви культурному развитию дореформенной России!

Неправильно было бы умолчать и о тех, кому вверялось тогда руководство политикой в области просвещения и культуры. На командные посты идеологического фронта царизм выдвигал крайних реакционеров. В этом ярче всего проявлялась его враждебность культурному прогрессу. «Просвещения губитель» — так называл А. С. Пушкин министра просвещения князя А. Н. Голицына. Голицыну не уступал 80-летний адмирал А. С. Шишков, занявший пост министра просвещения в 1824 году. Он видел главную свою задачу в том, чтобы «поставить преграду», как он сам выражался, «злу, под именем духа времени распространяемому»²⁸. Шишкова в 1833 г. сменил С. С. Уваров, которому принадлежит заявление: «Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно». Трудно более точно сформулировать цель, какую ставил перед собой царизм перед лицом надвигавшегося кризиса крепостничества. Не вперед, по пути прогресса, а назад, по крайней мере на полвека, — таково было политическое кредо идеологов феодальной реакции.

Реакционный курс царизма в вопросах культуры и просвещения находил полное одобрение среди русских помещиков, напуганных социальными потрясениями и политическими переворотами конца XVIII — начала XIX века. Вместе с тем опасения новых революционных взрывов усиливали среди них настроения неуверенности и тревоги, создавали благоприятную почву для всякого рода религиозно-мистических увлечений. После 1815 г. мистицизм стал идеологическим знаменем реакционного дворянства. Духовная жизнь дворянской интеллигенции той эпохи не может быть правильно понята без учета влияния, какое испытывало оно со стороны зарубежных теософов, вроде Карла Эккартсгаузена и Иоганна Юнг-Штиллинга, юродствующей остзейской баронессы Варвары Крюднер, доморощенных мистиков, вроде престарелого скопца Кондратия Селиванова, митрополита Серафима, архимандрита Фотия. Мистические тенденции пронизывали и мировоззрения философов, подвизавшихся в русских университетах. Так, профессор Московского университета Ф. Л. Морошкин убеждал студентов, что в Уложении 1649 г. нашла якобы воплощение специфика «русской души», извечно стремившейся под сень монархической власти. Мистическую окраску имели и домыслы С. С. Уварова относительно органически присущей будто бы русскому народу преданности идеалам официальной церкви и царского самодержавия. В сочетании с прославлением крепостнической самобыт-

²⁷ К. И. Арсеньев. Начертание статистики Российского государства. Ч. I. СПб. 1818, стр. 64.

²⁸ «Чтения в Обществе истории и древностей российских». 1868. Т. 3, стр. 121—127.

ности эти домыслы и составили, как известно, философскую основу пресловутой «теории официальной народности».

Отсюда понятно, почему борьба против мистицизма и философского идеализма являлась основной задачей передовых мыслителей дореформенной России, и прежде всего лучших представителей русской революционной интеллигенции.

Еще декабристы подвергали резкой критике идеалистические построения Канта и мистические домыслы Шеллинга. В объяснении явлений природы и в вопросе познаваемости мира И. Д. Якушкин, П. И. Борисов, В. Ф. Раевский и некоторые другие деятели тайных обществ 20-х годов XIX в. прочно занимали материалистические позиции. Правда, иные, как, например, П. И. Пестель, К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев, еще не могли до конца преодолеть влияния идеалистических учений, но и они решительно осуждали увлечение мистикой и мракобесие церковников.

Революционеры-демократы 40—50-х годов также вели неустанную борьбу против идеализма Канта, Шеллинга, Гегеля, подрывая тем самым философскую основу реакционной «теории официальной народности» и близкого к ней славянофильства с его мистическими рассуждениями о «богоизбранности» русского народа. Как известно, развернутая и глубокая критика философского идеализма была дана А. И. Герценом в «Письмах об изучении природы», опубликованных в 1845—1846 гг. в журнале «Отечественные записки».

Прогрессивно настроенные деятели русского естествознания еще в начале XIX в. критиковали модные воззрения немецких натурфилософов. Например, профессор Медико-хирургической академии Я. К. Кайданов и профессор Московского университета И. Е. Дядьковский, решительно отвергая религиозно-мистические объяснения явлений природы, приближались к материалистическому мировоззрению, отстаивая идею эволюции органического мира от менее сложных форм к более сложным. Вопреки воззрениям Шеллинга о природе как продукте некой духовной силы русский естествоиспытатель М. А. Максимович утверждал, что в природе деятельным является само вещество, которое «наполняет собою все пространство»²⁹. Неотразимый удар идеалистическим представлениям Канта о природе, как субъективной конструкции ума, нанес молодой профессор Казанского университета Н. И. Лобачевский, доказавший возможность существования неевклидовой геометрии и тем самым опровергнувший мнение о непоколебимости геометрических истин, которыми идеалисты обосновывали априорную, врожденную познавательную способность человеческого разума, независимую будто бы от опыта и общения с внешним миром.

Своими смелыми открытиями и критикой «натурфилософии» Шеллинга и «трансцендентального идеализма» Канта передовые деятели русской науки укрепляли и развивали ее материалистическую традицию, восходившую к трудам М. В. Ломоносова. Не случайно успехи отечественного естествознания обогащали русскую общественную мысль. При энциклопедическом изучении истории культуры по отдельным, обособленным ее отраслям обычно утрачивается эта реальная связь между естественными и общественными науками, существовавшая повсюду, где только ощущалось биение творческой мысли. Между тем в методологическом отношении очень важно отметить, как давно шел «могущественный ток к обществоведению от естествознания»³⁰.

Если говорить о дореформенной России, то следует подчеркнуть, что прогрессивные русские мыслители того времени внимательно следили за достижениями современных им естествоиспытателей, стараясь приме-

²⁹ «История Московского университета». Т. I. М. 1955, стр. 156.

³⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 176.

нить их выводы при разработке своих философских и социальных теорий. Так, убедительные эксперименты физика П. И. Страхова и материалистические суждения медиков М. Я. Мудрова и И. Я. Грузинова оказали серьезное влияние на формирование философских взглядов декабристов, слушавших блестящие лекции этих профессоров в Московском университете. Позднее А. И. Герцен и Н. П. Огарев с благодарностью отзывались о лекциях И. Е. Дядьковского и К. Ф. Рулье.

Вместе с тем нельзя забывать и о другой стороне дела. Пропаганда воззрения передовых естествоиспытателей и отстаивая выдвинутые ими теоретические положения, революционные мыслители, в свою очередь, вносили существенный вклад в развитие естественнонаучной мысли в России. Одним словом, не было ни одной отрасли научных знаний, в которой не происходила бы ожесточенная борьба между сторонниками новых, прогрессивных идей и защитниками устаревших, консервативных, а то и откровенно реакционных воззрений, отражавших идеологию обреченных историей классов.

Борьба прогрессивных и реакционных тенденций в культурной жизни дореформенной России без труда прослеживается также в русской журналистике и в художественной литературе и искусстве. В литературе и искусстве она выражалась в столкновении различных идейных направлений и творческих методов. На рубеже XVIII и XIX вв. классицизм с его приверженностью к пышной риторике и «высокому стилю» уступил и в России место сентиментализму, хотя последний в его русской разновидности приобрел своеобразную консервативно-дворянскую направленность. Военная гроза 1812 г. и тревожные события последующих лет способствовали распространению романтизма. Затем развернулась борьба за победу реалистического направления. Возобладав в литературе с расцветом творческой деятельности А. С. Пушкина, реализм приобрел резко выраженную критическую направленность в произведениях Н. В. Гоголя. Тщетны были попытки Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча, О. И. Сенковского противопоставить зарождавшемуся критическому реализму «благонамеренную сатиру», призванную якобы исправить недостатки воспитания верноподданных царя в духе официальной идеологии. Не оправдались их пророчества относительно того, что «натуральная школа», будучи, дескать, искусственно перенесенной из Франции, не укоренится на русской почве. К середине XIX в. критический реализм стал господствующим направлением и в художественной литературе, и в живописи, и в театральном искусстве. В. Г. Белинский был прав, когда говорил, что «в лице писателей натуральной школы русская литература пошла по пути истинному и настоящему, обратилась к самобытным источникам вдохновения и идеалов»³¹. Прогрессивные начала реалистического искусства оказались навечно запечатленными в сценических образах, созданных великим русским актером М. С. Щепкиным, в музыкальном творчестве М. И. Глинки, в полотнах П. А. Федотова. И все эти явления, подобно романам и поэмам А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, были не чем иным, как поэтическим обобщением тогдашней русской жизни. Хорошо сказал об этом В. В. Стасов: «Во многих отношениях Глинка имеет в русской музыке такое же значение, как Пушкин в русской поэзии. Оба — великие таланты, оба — родоначальники нового русского художественного творчества, оба — глубоко национальные и черпавшие свои великие силы прямо из коренных элементов своего народа, оба создали новый русский язык — один в поэзии, другой в музыке»³².

Здесь уместно затронуть два вопроса, имеющие серьезное методологическое значение. В свое время, разоблачая буржуазно-национали-

³¹ В. Г. Белинский. Собрание сочинений. Т. III, стр. 800.

³² Цит. по: Т. Ливанова. М. И. Глинка. М. 1962, стр. 40.

стический смысл выдвигавшейся социал-оппортунистами идеи «культурно-национальной автономии», В. И. Ленин указывал, что в классовом обществе не может быть единой национальной культуры, отражающей одновременно интересы господствующего класса и эксплуатируемой им массы трудящихся. Поэтому буржуазному лозунгу «национальной культуры» он противопоставлял лозунг пролетарского интернационализма, который перенесил и на вопросы культуры. «Наш лозунг,— писал В. И. Ленин,— есть интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения»³³. Однако отсюда вовсе не следует, что В. И. Ленин отрицал национальную форму демократической и социалистической культуры. Наоборот, он со всей решительностью подчеркивал, что «интернациональная культура не безнациональна», что «ни один демократ и тем более ни один марксист не отрицает равноправия языков или необходимости на родном языке... пропагандировать антиклерикальные или антибуржуазные идеи «родному» крестьянству и мещанству...». Он лишь напоминал, что «мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации»³⁴. Следовательно, поскольку демократическая и социалистическая культура отражает жизнь и чаяния трудовых масс определенной нации, постольку она является национальной и воплощает в себе лучшие, прогрессивные традиции данного народа.

Другой вопрос, на котором необходимо остановиться, касается философской сущности идейной борьбы в науке и искусстве.

Как уже было отмечено в начале статьи, и новые черты в культурном облике данного общества, и возникновение новых теоретических концепций, и смена художественных направлений обусловлены социальными сдвигами, порожденными в конечном счете экономическим развитием страны. Однако признание классовой обусловленности явлений культуры, а значит, и закономерности их для данной эпохи не означает отрицания поступательности культурно-исторического развития, непрерывности и преемственности его. Напротив, каждое новое научное открытие, каждое новое произведение искусства, если только они действительно расширяют представления современников о природе или общественной жизни, свидетельствуют о прогрессе познания людьми объективного мира. Переход ученых естествоиспытателей на позиции материализма означал более глубокое понимание ими окружающей природы, позволявшее быстрее раскрыть ее тайны и использовать на благо человечества ее сокровища. Все выдающиеся научные открытия в области естествознания так или иначе были связаны с утверждением материалистического мировоззрения. Пусть деятели науки не всегда осознанно придерживались материалистических убеждений, оставаясь на стадии стихийного, естественнонаучного материализма, но именно благодаря этим убеждениям они обретали способность раскрывать новые, ранее неизвестные людям свойства окружающего мира. Пока органические вещества считались продуктами деятельности особой «жизненной силы», не могло быть и речи о получении их искусственным путем, в лабораторных колбах. Только отбросив эти идеалистические представления, русский химик Н. Н. Зинин сумел извлечь из отходов каменноугольного дегтя красящее органическое вещество — анилин, которое прежде добывали лишь из тропических кустарников — индигоносов. Значение этого открытия состояло не только в том, что промышленность получила возможность добывать краски более дешевым способом, но главным образом в определении ранее неизвестных и практически беспредельных

³³ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 7.

³⁴ Там же, стр. 8.

возможностей для создания разнообразных продуктов синтетическим путем.

Проследить процесс развития познания, отражаемый историей науки, помогает марксистско-ленинское учение о соотношении абсолютной и относительной истины. Как отмечал В. И. Ленин, абсолютная истина складывается из суммы относительных истин, а значит, «каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины»³⁵. Стремясь к наиболее полному познанию изучаемого предмета или явления, люди с каждым новым этапом развития науки приближаются к абсолютной истине. Но поскольку практика, которая служит критерием истины, постоянно усложняется и совершенствуется, постольку она «никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть полностью какого бы то ни было человеческого представления»³⁶. Поэтому с ростом потребностей общественной практики даже та теория, которая казалась наиболее совершенной, перестает удовлетворять их. Больше того, некоторые научные открытия не сразу непосредственно проверяются практикой. Так, синтез анилина был осуществлен Н. Н. Зининым в лабораторных условиях в 1842 г., а промышленное производство синтетических красителей возникло в России только в 60-е годы, то есть двадцать лет спустя. Наконец, бывало и так, что очень важные научные открытия вовсе не использовались непосредственно в процессе производства, но при этом имели огромное значение для теоретического и методологического совершенствования самой науки. Таково было, например, открытие Н. И. Лобачевского, получившее мировое признание лишь после его смерти и по достоинству оцененное только в наше время, с появлением теории относительности, атомных реакторов и космических кораблей. Однако как бы ни была относительна добытая в результате напряженной работы мысли научная истина, она содержит элемент абсолютной истины, а значит, углубляет познание мира³⁷. И в этом именно заключается одно из проявлений поступательного движения человечества по пути цивилизации.

Идеологи современной буржуазии отрицают идею прогрессивного развития общества, а следовательно, и культурно-исторического прогресса. Известный немецкий философ Освальд Шпенглер рассматривал историю как смену культур, но каждую культуру считал самопроизвольно возникающим организмом, развивающимся вне связи с другими подобными организмами и гибнущим без следа после исчерпания своих творческих возможностей³⁸. Не остается места для исторической преемственности и поступательности развития и в надуманной схеме английского историка А. Тойнби, которому история представляется не единым всемирно-историческим процессом, а всего лишь суммой историй 26 цивилизаций, равноценных «в философском смысле» и также проходящих стадии «роста», «упадка сил» и «разложения»³⁹. Еще определеннее высказывается на этот счет американский историк С. Б. Фей, заявляющий, что самое понятие прогресса «логически бессмысленно», ибо «то, что завоевано одним поколением, может быть утрачено последующим»⁴⁰.

В свете этих пессимистических высказываний, составляющих суть популярных ныне реакционных социологических идей в буржуазном мире, особенно важно пропагандировать идею культурно-исторического прогресса, теоретически обоснованную марксистско-ленинским учением о закономерной смене общественно-экономических формаций.

³⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 122.

³⁶ Там же, стр. 130.

³⁷ См. там же, стр. 122.

³⁸ О. Шпенглер. Закат Европы. Т. I. М.-П. 1923, стр. 116.

³⁹ А. Тойнби. A Study of History. Vol. I. London. 1936, p. 174.

⁴⁰ S. B. Fay. The Idea of Progress. «American Historical Review». Vol. LII, № 2.

Наряду с развитием научного познания мира доказательством исторической преемственности в сфере культуры служит и развитие художественного познания объективной действительности. Выражением совершенствования методов этого познания является, в частности, смена художественных направлений и эволюция эстетических принципов. Наиболее полно и правдиво отражают существенные стороны окружающей жизни реалистические произведения искусства. Реалистический метод творчества связан с материалистическим мировоззрением, хотя сам художник, прибегая к этому методу, не всегда осознает этот факт, уподобляясь в данном случае ученым естествоиспытателям, нередко являющимися стихийными материалистами.

Но, отмечая достоинства и преимущества реалистического метода творчества, нельзя забывать о том, что он явился закономерным следствием развития художественного познания мира и воплотил в себе все лучшие, наиболее прогрессивные традиции предшествующей истории искусства. Недаром, например, в пушкинском реализме слышатся отзвуки мятежного романтизма декабристов и патриотический пафос поэзии XVIII в., выступавшей под знаменем классицизма. Поэтому недопустимо изображать развитие искусства как некое прямолинейное движение, при котором каждый пройденный этап полностью и без остатка сменяется новым, не имеющим якобы ничего общего с предыдущим. На самом деле различные по своей идейной направленности художественные тенденции не просто заменяют, а постепенно вытесняют друг друга, взаимопроникая и длительное время сосуществуя в рамках одной и той же исторической эпохи.

Для реалистического искусства была особенно характерна живая и глубокая связь художественного мастерства с народным творчеством. «Когда писатель глубоко чувствует свою кровную связь с народом, — это дает красоту и силу ему»⁴¹, — говорил А. М. Горький. Устное народное творчество обогащает каждого подлинного художника слова и в идейно-тематическом и в художественно-языковом отношении. В связи с этим нельзя не напомнить о том, какую значительную и важную отрасль национальной культуры составляет фольклор, концентрирующий вековую мудрость народа, или тот самый «разум масс», который В. И. Ленин называл «живой, действенной, а не кабинетной силой»⁴².

В устном народном творчестве дореформенной России заметно усиливались мотивы социального протеста. Все глубже проникала в сознание крепостного крестьянства идея борьбы против социальной несправедливости. С давнего времени в устном народном творчестве проявлялся протест против закрепощения. Широкое распространение имели сказки, основным сюжетным узлом которых являлось столкновение интересов помещиков и зависимых от них крестьян («Барин и мужик», «Барин и плотник», «Сердитая барыня» и пр.). При этом, как правило, тупой самодур-барин противопоставлялся умному, инициативному, смелому трудовому человеку. Это порой находило выражение даже в самих названиях сказок: «Хитрый мужичок», «Как мужик господ в дураках оставил», «Как барин телился». Ненавистью к господам и защищавшим их интересы администраторам были пронизаны также народные пословицы и поговорки: «Мужичьими мозолями бары сыты живут», «Хвали рожь в стогу, а барина в гробу», «Подьячий — породы собачьей, приказный — народ пролазный» и т. д. Однако причину народных бедствий сказители видели обычно в злом умысле помещиков, в полицейском произволе местных властей. Классовую природу царского самодержавия, крепостническую направленность политики царского правительства

⁴¹ А. М. Горький. Письма к писателям. М. 1936, стр. 34.

⁴² В. И. Ленин. Соч. Т. 10, стр. 227.

крестьянская масса, конечно, осознать еще не могла. Даже в XVII—XVIII вв., когда не раз поыхало пламя крестьянских войн, в русском фольклоре гневно осуждались действия помещиков, но сохранялось патриархальное представление о «царе-батюшке», который якобы не знал горестей народа и был обманут дворянами и приказными. В. И. Ленин подчеркивал, что даже в начале XX в. в России «сотни тысяч и миллионы трудящихся и эксплуатируемых» продолжали верить этой царистской легенде. Он писал: «Долгие поколения забитой, одичалой, брошенной в медвежьих углах мужицкой жизни укрепляли эту веру»⁴³. Тем более важно отметить, что в русском фольклоре предреформенных десятилетий наблюдается определенная тенденция к осуждению близких к царю государственных деятелей. Сам царь Александр I еще не подвергался осуждению: царистские иллюзии продолжали затуманивать сознание патриархального крестьянства. Но близкий к царю сановник и первый его советчик граф Аракчеев был прочно пригвожден к позорному столбу метким народным словом. В песнях, что распевали во всех местностях необъятной России, он неизменно выступал как притеснитель и жестокий эксплуататор:

Ты, Ракчеев господин,
Всю Россию разорил,
Бедных людей прослезил,
Солдат голодом поморил...⁴⁴.

Народные певцы разоблачали корыстолюбие и страсть к обогащению, типичные для этого временщика⁴⁵.

В XIX в. в антикрепостническое движение активно включились массы государственных крестьян, населявших преимущественно окраинные губернии империи. Они протестовали против зачисления их в разряд военных поселян, хорошо понимая антинародный смысл этой крепостнической затеи царизма.

Жизнь в военном поселенье —
Настоящее мученье,
Только не для всех.
Люди слезы проливают,
Зато власти наживают
Очень хорошо...⁴⁶.

В деревне повсюду росло возмущение против рекрутчины. На севере России были сложены особые «завоенные плачи». Провожая молодых рекрутов, их матери и сестры проклинали «злодейскую службу государеву», распенивая ее как «зло, великое несчастье» для трудового народа. Знакомясь позднее с этими «плачами» по книге Е. В. Барсова «Причитания Северного края», изданной в 1872 г., В. И. Ленин подчеркнул строки, содержавшие явное осуждение военной системы царизма⁴⁷.

Совершенно новой разновидностью русского фольклора явились песни и сказы рабочих, получавшие распространение в XIX в. по мере численного роста промышленных рабочих и усиления их роли в массовом освободительном движении.

Таким образом, фольклор дает материал не только о кризисе крепостничества и обострении классовых противоречий в предреформенной России, но также о возрастании роли народных масс в политической и

⁴³ В. И. Ленин. Соч. Т. 8, стр. 92.

⁴⁴ «Исторические песни». Л. 1956, стр. 301.

⁴⁵ См., например, «Сибирский архив», 1912, № 12, стр. 955.

⁴⁶ «Исторические песни», стр. 302.

⁴⁷ См «Советская этнография». 1954, № 4, стр. 120.

культурной истории страны. Отсюда ясно, насколько важен вопрос об изучении народного творчества в плане истории культуры.

В. Д. Бонч-Бруевич рассказывал, что В. И. Ленин однажды с большим интересом ознакомился с записями народных песен и сказов, сделанными Е. В. Барсовым, Н. Е. Ончуковым и другими русскими этнографами. Владимир Ильич высказал мысль о том, как важно было бы все это обобщить под социально-политическим углом зрения. По его мнению, на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных. Приводя высказывания В. И. Ленина о фольклоре, В. Д. Бонч-Бруевич писал, что для Владимира Ильича последний служил прежде всего источником изучения народной психологии и «народной философской мысли»⁴⁸. Между тем вопрос об отражении народной психологии и народной философской мысли в фольклоре почти не затронут историками и философами⁴⁹, хотя известно, что в настоящее время остро ощущается необходимость в подлинно научных, марксистских исследованиях в области общественной психологии⁵⁰.

Конечно, устное народное творчество дореформенной России отражало общественную психологию крестьянских масс, придавленных крепостным гнетом и скованных патриархальными пережитками, религиозными предрассудками, вековыми суевериями. Поэтому песни и сказы содержали в себе нередко противоречивые моменты. Одни из них отражали слабые стороны крестьянской психологии, другие — ее сильные стороны. Важно, однако, отметить, что по мере обострения классовой борьбы и расширения фронта освободительного движения за счет включения в него промышленных рабочих и городской бедноты социальные мотивы народной поэзии усиливались, а ее прогрессивные тенденции возрастали. Это отражало глубочайшие сдвиги, происходившие в то время в миропонимании народных масс, еще не озаренном светом политических идей, но тем не менее изменявшемся в таком направлении, которое открывало возможность восприятия этих идей в будущем.

Еще в 20-е годы XIX в. крепостной крестьянин Андрей Лоцманов в своей неоконченной повести «Негр, или возвращенная свобода» писал: «Миллионы негров, принесенных на алтарь корысти европейцев, миллионы сих несчастливых людей, погибших от угнетения и скупости европейцев, вопиют о мщении»⁵¹. Призывая к освобождению африканских рабов, он думал о своих поработанных соотечественниках. Недаром он пытался организовать тайное антикрепостническое общество.

Современником Лоцманова был выходец из подольских крестьян Павел Выгодский, принятый в 1825 г. в «Общество соединенных славян». Разделивший трагическую судьбу декабристов, он и в сибирской ссылке продолжал вести революционную пропаганду. Среди его высказываний находим и такое: «Дворяне, проклятый хамов род... для того только держат себе царей, чтобы было кому служить, иметь честь и счастье рабом их быть, да их именем воровать... От богачей, кроме вреда, бед и поработнения, не жди себе ничего лучшего, рабочий народ...»⁵².

⁴⁸ Высказывания В. И. Ленина приводятся в передаче В. Д. Бонч-Бруевича. См. «Советская этнография», 1954, № 4, стр. 120, 121.

⁴⁹ Лишь недавно появились статьи на эту тему: Л. А. Когана в журнале «Вопросы философии» (1963, № 2, стр. 82—92) и Б. Ф. Поршнева в журнале «Коммунист» (1963, № 8, стр. 94—102).

⁵⁰ См. Л. Ф. Ильичев. Научная основа руководства развитием общества. «Коммунист», 1962, № 16, стр. 32.

⁵¹ Цит. по статье Л. А. Когана «Народное миропонимание как составная часть истории общественной мысли». См. «Вопросы философии», 1963, № 2, стр. 89.

⁵² «Из рукописей декабриста П. Ф. Выгодского». «Каторга и ссылка». Т. III. 1934, стр. 86.

Не удивительно, что спустя тридцать лет, в 1855 г., Выгодского снова судили в Иркутске, наказали плетью и сослали в еще более отдаленный район Восточной Сибири.

В 1849 г. был арестован и брошен в каземат Шлиссельбургской крепости бывший крепостной крестьянин Семен Олейничук, читавший украинским крестьянам свой «Исторический рассказ», содержащий острую критику крепостного права. По отзыву жандармов, «он обнаружил мысли, противные настоящему порядку вещей и могущие вредно действовать на умы простого народа»⁵³.

Наконец, в том же 1849 г. в III отделение императорской канцелярии был доставлен анонимный стихотворный памфлет под названием «Вести из России». Автором его был, по-видимому, крестьянин Ярославской губернии. Как явствует из текста, автору памфлета было свойственно стремление преодолеть черты наивного монархизма, характерного для патриархального крестьянства. Хотя, с одной стороны, он еще надеялся на то, что «царь рабства б цепи разрушил», но, с другой, — грозил ему призраком крестьянской революции:

Вострепещите, русски ханы!..
 Не дожидайтесь черна году,
 В который гнев на вас польется...
 Во мраке молния заблещет,
 От звуков потрясется трон,
 И царь от страха вострепещет...⁵⁴

Все эти факты свидетельствуют о том, что, несмотря на идейную ограниченность сознания крестьянских масс и незрелость их социальных идеалов, еще в дореформенный период намечались творческие контакты между народным мировоззрением и передовыми философскими и политическими воззрениями эпохи. Это еще раз подтверждает, что изучение народного творчества, отражающего богатство духовной жизни трудящихся масс, позволяет составить более полное представление о народе как творце культуры.

Для реализации решений Всесоюзного совещания историков требуется решительная перестройка изучения истории культуры. Необходимо отказаться от персонифицированного подхода к явлениям культурной жизни. Только в этом случае можно добиться синтетического представления о культурно-историческом процессе как неотъемлемой части общеисторического процесса. Только тогда мы полнее сумеем раскрыть вклад народных масс в культуротворческую деятельность нации и прочно усвоить идею поступательного движения человечества по пути цивилизации, вытекающую из марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях.

⁵³ Н. М. Дружинин. Антикрепостническое движение 1826—1850 гг. М. 1960, стр. 44.

⁵⁴ «Вести из России». Ярославль. 1961, стр. 145.